

Григорий Бакланов заканчивает новый роман. Рассказывая корреспонденту «ЛГ» о своей работе, писатель делится мыслями о творчестве, о нравственных проблемах, которые приходится решать людям в эпоху научно-технической революции.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Если я правильно вас поняла, Григорий Яковлевич, никто из писателей не знает, как получаются хорошие книги. Но вот теперь, когда ваш новый роман близок к завершению, неужели хотя бы для себя, внутренне, вы не можете дать оценку этой работе?

— Вы спрашиваете о внутренней оценке, но для того, чтоб ее обнародовать. А ведь даже в театре, даже на сцене ничего, кроме поэмы, не получается, если персонаж начинает вслух говорить о том, что он может сказать только одному себе. Пока работаешь, внутренняя оценка сто раз меняется: то высоко залежишь, то вдруг стыдно станет.

А что не существует рецептов, как написать хорошую книгу или как открытие совершить, так это правда.

Впрочем, сейчас многие пишут так профессионально, так хорошо, так, я сказал бы, искусно, что это уже напоминает «Невский проспект» Гоголя. Помните, там петербуржцы в определенном час демонстрируют кто — усы, кто — платье, кто — бакенбарды, а кто — улыбку. И все — самое лучшее.

Но в литературе все определяет не искусство демонстрации, а талант и личность. С их появлением многие споры теряют

смысл и остроту. Вот пришел в литературу Василий Шукшин. И все дискуссии о том, изжил ли себя рассказ или не изжил, потерялось, что жанр этот необычайно емкий, что ему, как прежде, доступно все.

Пока не высохли чернила в рукописи, все кажется ярким. А что будет, когда вещь отлежится? Знаю только: я не стал бы тратить годы и силы, если бы дело, которым я занят, не казалось мне заслуживающим этого.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Несколько лет назад вы рассказывали, что герои книги «Современная мудрость», рукопись которой сегодня лежит на письменном столе, — это архитекторы — люди, прошедшие войну, но живут они в наше время, и профессия у них самая мирная, земная. В том давнем интервью вы обозначили свой роман как семейный. Что это значит?

— Роман этот, видите ли, не военная вещь. И поскольку действие развивается в наши дни, в нем нет тех конфликтов, когда человек стоит между жизнью и смертью и когда уже этим определяется напряжение вещи. Это семейная история, вернее, история нескольких семей. Тут и любовь, не мимолетная, а та, с которой надо жизнь прожить; и все те искушения, которые сегодня одолевают каждого из нас.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Конечно, книга о мирных днях во многом отличается от книги о войне. Многие задачи тут принципиально иные.

Хотя, видимо, не все согласится с вашим утверждением о том, что лишь глубокие социальные потрясения, войны, стихийные бедствия дают писателю возможность для полных столкновений характеров, острых конфликтов, для выявления нравственной

ЛИТЕРАТУРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

сущности человека. Видимо, эту мысль надо воспринимать только в связи с каким-то конкретным материалом. Ведь совершенно очевидно, что и в мирное время возникает сложнейшая ситуация, происходят острейшие конфликты, то есть моменты, в которых человек оказывается перед необходимостью решительного выбора, когда суровой проверке подвергается все его существо. Поэтому, пожалуй, скажите, что вы имеете в виду?

— Ну, разумеется, пока живет человек на свете, проблема выбора непрерывно возникает перед ним. Я просто не помню серьезной книги, где перед героями не стояла бы проблема выбора.

На войне жизнь и смерть все время рядом. В мирное время проблема выбора стоит, как правило, не между жизнью и смертью. Хотя, конечно, и в мирное время люди рискуют жизнью. Но все же чаще испытаниям подвергается не столько физическое, сколько гражданское мужество человека. Это не два различных рода мужества, четкую грань тут не проведешь. И все-таки это не одно и то же. Страшной смерти физической смерть нравственная, гражданская. Так же как духовная жизнь человека, так и нравственная его смерть всегда была предметом исследования литературы. В своем романе я не избежал этих проблем.

Если человек погиб, но имел мужество до конца

Григорий БАКЛАНОВ:

прожить свою жизнь человеком, он еще возродится. Не в своих детях, так в будущих поколениях, ибо дух человеческого бессмертен. Но нравственная смерть беспощадна. Она стирает личность без следа, как расплата.

Вот, собственно, что я имел в виду, когда говорил о том, с чем связано напряжение вещи.

По письму, по стилю, насколько могу судить, роман будет несколько отличаться от моих прежних книг.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Вы хотите сказать, что сам материал и то, о чем вы пишете, требуют в какой-то степени иных выразительных средств. Или напыленный литературный опыт на нынешнем этапе вашей творческой деятельности заставляет вас искать качественно новые формы?

— И это. Хотя, видимо, и время, и возраст тоже играют роль. Понимаете ли, сейчас люди разговаривают между собой несколько иначе, чем, скажем, лет двадцать пять назад. Оборачиваемость мысли стала быстрее.

Когда-то я увлекался подробными описаниями. Напишешь, бывало, сцену — ах, как нравится, ах, как рад! А гонится ли она? А может, она заслоняет собой другую, более важную? Чувство меры и соразмерности, умение во имя главного убрать даже хорошо написанную сцену, но второстепенную, приходит с опытом. В ис-

ДОСТОИНСТВО

кусстве вершина — не сложность, а простота. Чем проза глубже, сложнее, тем проще она по способам выражения. Толстой прост при всей его многосложной фразе. Чехов удивительно прост. И в нашей, советской литературе все лучшее просто, точно и немногословно.

Идеальной, на мой взгляд, была бы проза, где без эпитетов, сравнений и т. п. можно было бы показать и сказать все. Но дело-то в том, что и слишком оголить фразу нельзя, она не взволнует. Умные мысли забываются. Но человек никогда не забудет то, что пережил.

Искусству, литературе дана великая сила: воссоздавать жизнь. И опирается литература на удивительную способность человека к сопереживанию. Не было бы этой способности — не было бы литературы: между книгой и читателем пролегал бы нечто вроде безвоздушного пространства, сквозь которое ни один звук не проникает. Если мы страдали, теряли дорогих нам людей, разве мы забудем это? Прочитав книгу, читатель проживет чужую жизнь, как свою. Она станет частью его опыта, она останется с ним.

Литература вместе с тем опирается и на опыт читателей, потому средства ее могут быть экономными. Вне опыта читателей она тоже, наверное, не могла

бы существовать. Писатель ведь не обязательно добивается того, чтобы вы увидели именно тот закат, который увидел и написал он сам. Нет, он затронет ваш опыт, ваши чувства, и вы увидите то, что видели раньше, и поразитесь тому, что оказывается, и художник это видел. В сущности, тут возникает как бы соавторство; такое воздействие — самое сильное.

Но мы все же несколько отклонились. Искусство, литература даны нам для того, чтобы понять самих себя: как мы живем? Для чего нам жизнь? Кто мы такие — люди?

Становясь старше, писатель, как правило, начинает писать суше. В чем причина? Не хватает сил писать сочно? Думаю, причина иная: больше надо сказать. «Смерть Ивана Ильича» по сравнению, например, с «Анной Карениной» написана сухо. Но это великая книга. Она породила целую литературу в мире. Так вот, я за ту сухость письма, которая выражает позицию, чувства, мысли автора наиболее экономными средствами и не старается блеском деталей затмить отсутствие главного. Я за ту сухость, при которой читатель волновался бы, радовался, плакал и ужасался, переживал с не меньшей силой, чем при самых сочных описаниях.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Судя по всему, вас, Григорий Яковле-

И МУЖЕСТВО МИРНЫХ ДНЕЙ

вич, сейчас очень интересуют практические вопросы мастерства, «технология» литературного труда. Очевидно, что процесс творчества менее всего сводится к какому-то приему. Форма произведения, его стиль диктуются реальными задачами жизни. Но все же хочется спросить, как же так: сухость письма, экономные средства — и богатство языка? Совместимо ли это? Или одно исключает другое?

— Русский язык — это язык народа, живущего сейчас, жившего раньше, будущих людей, которые не родились еще, но будут говорить и думать на этом языке. Это, может быть, самый могучий ток крови, который несет из бесконечности в бесконечность все живое, что есть в народе. Что-то отмирает вместе с отмирающим в жизни, что-то нарождается, что-то воскресает в ином качестве. Остановить этот живой процесс удалось бы лишь в том случае, если бы возможно было остановить жизнь. Но тогда и язык стал бы умирать.

Миллионы людей говорят на русском языке, миллионы его творят. Ни один даже самый талантливый, самый великий писатель не способен использовать все богатства родного языка. Да это и не нужно. Потеря чувства меры и тут приводит к обратным результатам. Надо, чтобы герои книги говорили тем языком, на котором они думают, который естествен для них. Все остальное будет выглядеть ватужно, не присущее этим людям, слова неминуемо

будут торчать и даже вызывать чувство стыда. Разумеется, это может стать сильным выразительным средством, но тут уже речь о другом. И автор не в исключительном положении. Из всего богатства языка он берет для своих книг только то, что ему свойственно, что необходимо. Не больше. Ну, вот, например: «Мороз и солнце; день чудесный!» Можно ли сказать зримо? Лучше? Точней? А ведь все слова обычные, и слов-то мало. Но чтобы так сказать, чтобы написать это небольшое, надо владеть всем богатством родного языка, нести его в себе.

Есть произведения, которые прекрасны в первую очередь богатством языка, его пластикой. Таковы все лучшие вещи Бунина. Но язык Чехова иной. Его как будто вообще нет. Он как бы только создает возможность увидеть необычайно ярко то, что вам хотят показать. Вы не любуетесь отдельным словом (я не имею в виду вещи юмористические, там другое), вы как бы забываете, что есть автор. Быть может, это высшее достижение.

И все же я не сравниваю, я не говорю тут, кто лучше. Чехов не мог бы писать, как Бунин, Бунина не мог бы писать, как Чехов. И слава богу! Но они оба писали прекрасным русским языком, и в то же время это был язык Чехова, язык Бу-

нина. Творили они язык? Да.

Скульптор берет глыбу мрамора и отсекает от нее все лишнее. Он не творит мрамор и даже не добывает его. Но когда люди видят потом его создание, их поражает не только сама скульптура, но и богатство оттенков и возможностей мрамора: он и теплый, он и холодный, он и светится изнутри... А ведь в глыбе они не видели всего этого.

Вот так и писатели творят язык. Не тем, что вводят в него отдельные слова, а тем, что им дано чувствовать все необычное богатство языка, дано владеть им. И, на мой взгляд, особенно хорошо, когда не цеглоляют этим своим даром.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Коснемся вашей новой пьесы, Григорий Яковлевич. Ведь она тоже создана на материале современном. Вместе с Юрием Любимовым вы совершили поездку на строительный КамАЗ, познакомились с его людьми. Вы были там не один раз, видели стройку на разных этапах... Каким образом трансформировались ваши наблюдения в пьесе? Сложилось ли у вас понимание реальности прямого отражению жизненных ситуаций и конфликтов? Кто ваши герои?

— С Юрием Петровичем Любимовым мы не только на КамАЗ ездили вместе, но и пьесу вместе написали. Разумеется, поездки дали многое. Но и до них, в общем-то, было у нас определенное представление о том, что мы хотим сказать.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но, наверное, какие-то черты вы все-таки подсмотрели?

— Понимаете, большая стройка — это не просто многотысячный коллектив. Людям, особенно в молодом возрасте, надо сознание, что они делают великое дело. Хорошо устроиться в жизни — это ведь довольно широкое понятие, в него входят не только экономические факторы, но и духовные. Человеку необходимо испытать себя, свои силы, выразить себя как личность.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Говорят, если писатель себя не изменяет, то всю жизнь он пишет одну книгу. Меняются конфликты, меняются герои, меняется в конце концов и жизненный материал. Но писатель вновь и вновь утверждает те нравственные идеалы, те духовные ценности, которые остались для него неизменными. Существует ли какая-то внутренняя связь между героями нового романа, пьесы и ваших военных повестей?

— Нас два автора. Любимов — человек очень яркий. Сработаться оказалось возможным тогда, когда мы нашли ту точку, где наш жизненный опыт сходится, когда установили, что есть тип человека, к которому у обоих особенно связано, что ли, нравственное кредо. Несомненно, за каждым персонажем пьесы «Простегните ремни» Юрий Петрович смог бы выстроить какой-то ряд живых людей, которых он знал.

Для меня за главным героем нашей пьесы Дмитрием Васильевичем Ванниковым, начальником крупного строительства, стоит и

БЕСЕДЫ ЗА РАБОЧИМ СТОЛОМ

вдаль уходит длинный ряд людей, которых в разную пору своей жизни встречал я. Есть в этих людях нравственная цельность, непоказная стойкость, а в то же время есть и душевная мягкость.

Черты этого типа я встречал в солдатах, которыми командовал, в офицерах, под чьим командованием служил. Встречал и на целине, и в одном из заволжских колхозов.

Если собрать людей, которых я так или иначе имел в виду, очень может быть, что между ними не только не возникла бы общность, но им странно показалось бы, что их свело вместе. Но я ведь говорю об отдельных чертах.

Так, собственно, писался Ванников, за которым и в моих книгах тоже выстраивается ряд.

Когда мы молоды, мы воспринимаем жизнь так, будто бы все, что происходило до нас, было подготовкой к нашему появлению в ней. Это ощущение в молодости необходимо каждому человеку, чтобы он смог сделать в жизни что-то значительное. На каком-то этапе люди начинают понимать связь своей жизни со всем, что человечество сделало раньше. Люди начинают понимать, что их жизнь, их дела — это маленькая частичка, звено в цепи между предыдущим и последующим. Но это не всегда офор-

мляется мыслями, это совершенно необязательно. Вот, например, Прищепин в «Июле 41 года» никогда этого не сказал, но сознание это в нем есть.

Ванников, человек уже зрелый, понимает жизнь не только умом, но и сердцем. Он знает, что в ней есть и свое милосердие, и свое благородство, и своя мудрость. И чтобы прожить ее достойно, нужно немалое мужество.

КОРРЕСПОНДЕНТ. А в чем главный конфликт пьесы?

— Ну зачем же заранее рассказывать?

Пьеса эта в большой степени — о таланте человека. Я не думаю, что талант — это собственность того, в ком он вспыхнул ярко. Англичане подсчитали, что один гений рождается примерно на миллион человек. Но этот миллион породил гения, дал ему в руки фанел, чтоб он освещал путь. Если же из этого фанела он сделал себе уютный светильник, думаю, он не только себя ограбил.

Но то-то и хорошо, что у таланта есть сила, подобная силе жизни: он должен реализовать себя. И чем сильней талант, тем сильнее эта потребность. Талантливый человек по природе бескорыстен: его главная потребность не «взять», а «отдать». И у общества должен быть механизм, который обеспечивал бы людям наилучшую возможность отдать свой талант полностью.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но в наши дни талант, видимо, неотделим от тех проблем, которые ставит сегодня научно-техническая революция?

— Сегодня так часто, по поводу и без повода — а в литературной среде особен-

но! — говорят. «научно-техническая революция, научно-техническая революция...», словно бы глядеть несовременными. Или уж так всем все ясно? Действительно, научно-техническая революция впервые дает человеку такие мощные средства, какими он еще не располагал. С их помощью он может увидеть, насколько реальны его цели, проникнуть трезвым взглядом в те области, куда проникали только в мечте.

Научно-техническая революция молода, род человеческий не так уж молод. Быть может, нас ждут новые, невиданной сложности проблемы. Можно ли при виде новорожденного с уверенностью сказать, кем это дитя станет? Так не сотворим же себе кумира!

Один из персонажей нашей пьесы, главный инженер строительства Евгений Семенович Томчин говорит по этому поводу: «Вот открыли новое божество: научно-техническую революцию. Я сформулировал в связи с этим несколько постулатов. Первый из них таков: пусть машина научит нас ценить человека, преклонение перед машиной отдайте человеку. Если революция, она должна открыть глаза на безграничные возможности человеческого разума. Это самый мощный двигатель из всех, что создала природа».

Томчин не вполне правильно употребил тут слово «постулат», его человеческая позиция в пьесе не близка мне, но эти его мысли я разделяю.

В. ПОМАЗНЕВА